

Григорий Дмитриевич Щербачев

Идеалы моей жизни

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
Щ29

Щ29 **Щербачев Г.**
Идеалы моей жизни / Григорий Дмитриевич Щербачев – М.: Книга по Требованию, 2025. –
371 с.

ISBN 978-5-521-38948-3

ISBN 978-5-521-38948-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Въ 1890 и 1891 годахъ, въ Русскомъ Архивѣ были напечатаны мои воспоминанія изъ временъ царствованій императоровъ Николая I-го и Александра II-го. Издавая эти воспоминанія въ отдѣльной книгѣ подъ названіемъ „Идеалы моей жизни“ я сдѣлалъ въ нихъ незначительныя измѣненія и нашелъ нужнымъ приложить къ нимъ статью мою, нигдѣ не напечатанную, подъ заглавіемъ: „Какъ сдѣлать нашу жизнь наиболее счастливою“? Связь существующая между воспоминаніями и статьей уясняется въ самой статьѣ.

Г. Д. Щербачевъ.

ЧАСТЬ I.

I.

Служба въ Гвардейской Конной Артилеріи.—Кадетскіе корпуса прежняго времени.—
Маскарадъ въ Новгородѣ.—Старая Русса.—Первая любовь.

Въ 1840 году я поступилъ на службу въ гвардейскую конную артилерію юнкеровъ. Въ 1843 году, по выдержаніи экзамена въ офицерскихъ классахъ Артилерійскаго Училища (нынѣ Артилерійская Академія), я былъ произведенъ въ офицеры. Мнѣ было тогда около 19 лѣтъ.

Я былъ въ восторгѣ и отъ эпoletъ, и отъ шляпы съ бѣлымъ султаномъ, которую носилъ. Я смотрѣлъ на предстоящую мнѣ жизнь, какъ на рядъ удовольствій и всякаго рода наслажденій; мнѣ казалось, что не было на свѣтѣ человѣка счастливѣе меня. По произволствѣ въ офицеры, я прожилъ около двухъ мѣсяцевъ въ Петербургѣ и, въ теченіе этого времени, съ утра и до глубокой ночи не бывалъ дома: утромъ проводилъ время съ товарищами, въ 3 часа дня отправлялся гулять на Невскій проспектъ, а вечеромъ бывалъ въ театрахъ, маскарадахъ и на вечерахъ. Не имѣя никакихъ музыкальных способностей, я, тѣмъ не менѣе, посѣщалъ и Итальянскую опе-

ру, тогда только что открывшуюся въ Петербургѣ, съ знаменитыми артистами Рубини, Тамбурини и Вiардо-Гарсеiей. Слыша восторженные о нихъ отзывы, я старался также ими восхищаться, хотя пѣніе ихъ не производило на меня никакого впечатлѣнія. Помню, что давали оперу „Севильскій Цирюльникъ“. Я пріѣхалъ въ театръ и занялъ мѣсто въ первомъ ряду, такъ какъ въ другихъ рядахъ мѣстъ не было. Проведя передъ тѣмъ двѣ безсонныя ночи, я не могъ устоять отъ сна меня клонившаго и, сознаюсь, былъ на столько профаномъ, что заснулъ въ то время, когда Вiардо-Гарсеiя пѣла романсъ, приводившій въ восторгъ весь Петербургъ; романсъ этотъ былъ, какъ помнится, „Соловей“. По несчастію, когда я сплю, то имѣю привычку храпѣть; всхрапнувъ и тутъ, я тотчасъ же проснулся и увидалъ удивленные и насмѣшливые взгляды, обращенные на меня моими сосѣдями, изъ которыхъ одинъ былъ какой-то генералъ. Я до того сконфузился, что готовъ былъ провалиться сквозь землю. Досидѣвъ до конца дѣйствія, я вышелъ во время антракта изъ театра и болѣе не возвращался.

Вскорѣ, частныя мои посѣщенія театровъ навлекли на меня бѣду. Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывши въ Михайловскомъ театрѣ, замѣтилъ, что у одного офицера гвардейской конной артилеріи, сидѣвшаго въ первомъ ряду креселъ, были длинные волосы, чего онъ не терпѣлъ, видя въ этомъ какой-то особый родъ вольнодумства. На другой же день онъ сказалъ объ этомъ начальнику гвардейской конной артилеріи полковнику Шварцу и велѣлъ доложить ему, кто былъ этотъ офицеръ. Полковникъ Шварцъ собралъ офицеровъ и хотя я былъ коротко остриженъ, но зная, что я часто бывалъ въ театрахъ, онъ рѣшилъ, что офицеръ съ длинными волосами былъ — я. Какъ я не разувѣрялъ его въ этомъ, доказывая свое alibi, но онъ доложилъ Его Высочеству, что съ длинными волосами былъ я, и не прошло и одной недѣли, какъ я былъ переведенъ въ батарею, которая находилась эту зиму въ Новгородской губерніи.

Въ гвардейской конной артилеріи было въ то время четыре батареи, которыя стояли: двѣ въ Петербургѣ, одна—въ Новгородской губерніи, въ 3-мъ округѣ пахатныхъ солдатъ, въ казармахъ лейбъ-гвардіи драгунскаго полка, и одна въ 30-ти верстахъ отъ Петербурга на мызѣ Пеллѣ, при селѣ Ивановскомъ. Батарейная батарея имѣла постоянную стоянку въ Петербургѣ, а три легкія батареи стояли по очереди въ Петербургѣ, на мызѣ Пеллѣ и въ Новгородской губерніи. Кромѣ того, въ составъ гвардейской конной артилеріи входили образцовая конная и сводная казачья батареи, которыя зимою находились постоянно: первая въ Царскомъ Селѣ, а вторая въ Новой Ладогѣ. Въ этомъ году, въ Новгородской губерніи стояла 1-я (нынѣ Его Величества) батарея, въ которую я былъ переведенъ и высланъ на службу.

Служба въ этой батареѣ оставила во мнѣ самыя пріятныя воспоминанія. Командовалъ ею полковникъ Эдуардъ Ивановичъ Кнорингъ. Говоря плохо по-русски, онъ былъ въ душѣ вполне Русскимъ человѣкомъ и имѣлъ много особенностей, свойственныхъ Русскому характеру. Безпечность, беззаботность, неакуратность, отсутствіе низкопоклонства передъ начальствомъ и самое теплое участіе въ судьбѣ своихъ подчиненныхъ составляли главныя его черты, которыя снискали ему любовь всѣхъ офицеровъ, считавшихъ его честнымъ и благороднымъ человѣкомъ и лучшимъ изъ батарейныхъ командировъ.

Изъ офицеровъ, служившихъ въ 1-й батареѣ, я болѣе всѣхъ сошелся съ Левинымъ. Проживъ съ нимъ на одной квартирѣ всю зиму, я такъ его полюбилъ, что, до самой его смерти, насъ соединяла самая тѣсная дружба. Левинъ былъ старше меня 4-мя годами, но по пылкости чувствъ и впечатлительности характера его можно было считать моимъ ровесникомъ, хотя мнѣ было всего 19 лѣтъ. Разница между нимъ и мной проявлялась только въ нашихъ взглядахъ на службу. Онъ успѣлъ уже побывать на Кавказѣ въ дѣлахъ съ горцами, а потому, испытавъ

боевую жизнь, смотрѣлъ на службу болѣе серьезно, чѣмъ я. Онъ охотно исполнялъ свои служебныя обязанности и считался отличнымъ строевымъ офицеромъ; я же, какъ и все молодые офицеры того времени, не только не любилъ службы, но и считалъ какимъ-то молодечествомъ легко относиться къ служебнымъ обязанностямъ.

Другой офицеръ (старшій въ батареѣ) былъ штабсъ-капитанъ Кельдерманъ, который служилъ прежде въ полевой конной артилеріи и только два или три года передъ тѣмъ былъ переведенъ въ гвардію. Кельдерманъ былъ старше меня 12-ю годами. Хотя онъ пользовался репутаціей хорошаго человѣка и прекраснаго офицера, но его все звали Бурбономъ, такъ какъ онъ вышелъ въ офицеры изъ кадетскаго корпуса. Въ гвардейской конной артилеріи, въ то время, все почти офицеры были изъ Артилерійскаго Училища, изъ Пажескаго корпуса и изъ юнкеровъ; изъ кадетскихъ же корпусовъ было два или три офицера, которые рѣзко отличались отъ всехъ другихъ своими манерами и своимъ воспитаніемъ; надъ ними смѣялись и на нихъ смотрѣли, какъ на выслужившихся вахмистровъ, называя ихъ Бурбонами. И дѣйствительно, офицеры эти, своимъ неумѣніемъ держать себя въ обществѣ и полнымъ незнаніемъ Французскаго языка (который былъ въ большомъ употребленіи не только въ высшемъ, но и въ среднемъ кругу общества) нерѣдко подавали поводъ къ самымъ злымъ надъ ними насмѣшкамъ.

Я помню двѣ выходки одного изъ такихъ офицеровъ. Батарея, въ которой онъ служилъ, пришла на траву послѣ лагеря, въ имѣніе одной помѣщицы, М. С. Мартыновой, принадлежавшей къ высшему Петербургскому обществу. Какъ гостепріимная хозяйка, она радушно принимала у себя всехъ офицеровъ батареи. Офицеръ О., имѣвшій о себѣ очень высокое мнѣніе, но принадлежавшій къ числу самыхъ отчаянныхъ Бурбоновъ, желая сказать ей пріятное и видя у ней на рукахъ маленькую собачку, выразился такъ: „Какой у васъ прекрас-

ный пестъ, Марья Степановна; нельзя имъ не восхищаться“. Отъ этихъ словъ Марью Степановну покорило, а офицеры расхохотались. Затѣмъ, Марья Степановна, зная, что О. былъ боленъ, спросила объ его здоровьѣ. О. употребилъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать граціозный поклонъ въ благодарность за оказанное вниманіе и объяснилъ, что его болѣзнь—геморой, отъ котораго онъ страдаетъ только по временамъ, но что въ настоящую минуту онъ совершенно здоровъ. Послѣ такихъ выхонокъ, Марья Степановна стала замѣтно избѣгать говорить съ нимъ.

Кельдерманъ былъ не похожъ на этого офицера; онъ умѣлъ держать себя въ товарищескомъ кругу такъ, что всѣ его любили; въ дамскомъ обществѣ онъ бывалъ рѣдко, а если бывалъ, то благодаря своему такту и своей скромности внушалъ къ себѣ симпатію, хотя роль, которую онъ игралъ, была далеко не изъ первостепенныхъ. Не имѣя никакого состоянія, онъ отказывалъ себѣ во всѣхъ удовольствіяхъ, сопряженныхъ съ денежными расходами. Онъ не могъ даже позволить себѣ имѣть хорошій столъ. Офицеры, зная это и обѣдая съ нимъ за однимъ общимъ столомъ, соразмѣряли свои гастрономическія требованія не съ своимъ, а съ его карманомъ; они дѣлали это изъ деликатности и изъ товарищескаго чувства, которое въ то время было гораздо болѣе развито въ военныхъ частяхъ, нежели теперь.

Говоря о Кельдерманѣ, я позволю себѣ сдѣлать маленькій перерывъ въ моемъ разсказѣ, чтобы сказать нѣсколько словъ по поводу возникшей въ послѣднее время моды осыпѣть похвалами прежніе кадетскіе корпуса, въ которыхъ получили, какъ говорятъ, воспитаніе наши лучшіе генералы и традиціями которыхъ мы должны дорожить. Что многіе изъ нашихъ хорошихъ генераловъ вышли изъ кадетскихъ корпусовъ, фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, точно также несомнѣнно и то, что всѣ знаменитые іерархи нашей церкви вышли изъ семинарій; но

отсюда, однакожъ, нельзя вывести заключеніе, что семинаріи прежняго времени были образцовыми заведеніями. Что относится до традицій, то какія онѣ, я не знаю; но знаю, что одно лицо, знавшее злоупотребленія, дѣлаемыя въ кадетскихъ корпусахъ, и принимавшее во время оно дѣятельное участіе въ переименованіи ихъ въ военныя гимназіи, сказало въ оффиціальной рѣчи, что оно желало бы, чтобы, вмѣстѣ съ именемъ корпусовъ, исчезли бы и традиціи ихъ во вновь формируемыхъ заведеніяхъ. Каковы были корпуса прежняго времени, я позволю себѣ уяснить нѣкоторыми примѣрами, взятыми мною изъ рассказовъ моихъ товарищей и лицъ, окончившихъ курсъ въ этихъ заведеніяхъ.

Всѣ молодые дворяне 40-хъ годовъ стремились служить въ военной службѣ, какъ потому, что служба эта доставляла нѣкоторый почетъ въ обществѣ, такъ и потому, что служебную карьеру можно было составить себѣ почти исключительно служая въ войскахъ. Всѣ высшія государственныя должности, министровъ, сенаторовъ, губернаторовъ давались военнымъ, которые были болѣе на виду у Государя, чѣмъ чиновники гражданскаго вѣдомства. Кромѣ того, военно-дисциплинарная закваска, по понятіямъ того времени, считалась необходимымъ качествомъ каждаго высокопоставленнаго лица; но не всѣ носившіе военный мундиръ пользовались одинаковымъ вниманіемъ властей. Карьеру можно было себѣ составить преимущественно въ строевой службѣ; служба же пестроевая и служба въ военно-учебныхъ заведеніяхъ считались ниже строевой, что можно было видѣть изъ того, что Великій Князь Михаилъ Павловичъ, бывъ одновременно генералъ-фельдцейхмейстеромъ, начальникомъ военно-учебныхъ заведеній и командиромъ гвардейскаго корпуса, могъ имѣть 12 адъютантовъ, и всѣ бывшіе при немъ адъютанты были имъ взяты изъ строя; изъ военно-учебныхъ же заведеній и изъ нестроевыхъ артилерійскихъ частей онъ не имѣлъ ни одного адъютанта. Предпочтеніе, оказываемое строевой службѣ передъ службою въ военно-учебныхъ за-

веденіяхъ, имѣло, конечно, немалое вліяніе на качество служебнаго персонала въ кадетскихъ корпусахъ. Всѣ наиболѣе способные офицеры стремились служить въ полкахъ; въ кадетскіе же корпуса поступали или мало способные, или болѣзненные, или обремененные большимъ семействомъ, которое не могли содержать, служа въ полкахъ. При такихъ импровизованныхъ воспитателяхъ юношества, воспитательное значеніе корпусовъ было ниже всякой критики. Все воспитаніе было основано на розгахъ. Кадетъ воспитывали въ корпусахъ также, какъ отставной фельдфебель воспитываетъ своихъ сыновей; въ чемъ бы и какъ бы ни провинился мальчикъ, ему давали розги, не разбирая ни степени его вины, ни побужденія къ ней. Случалось подчасъ, что сѣкли и ничѣмъ неповинныхъ кадетъ. Кельдерманъ мнѣ рассказывалъ, что, въ бытность его въ одномъ изъ корпусовъ, директоръ, обходя зданіе корпуса, почувствовалъ въ одномъ помѣщеніи запахъ водки и табака. По сдѣланному осмотру найдено было нѣсколько пустыхъ штофовъ отъ водки и кисеть съ табакомъ. Директоръ былъ очень строгъ; дежурнаго офицера онъ тотчасъ посадилъ подъ арестъ, а командиру роты, въ помѣщеніи которой найдены были пустые штофы и кисеть съ табакомъ, онъ приказалъ указать виновныхъ; когда же виновные не нашлись, онъ принялъ слѣдующую, придуманную имъ мѣру: построилъ роту въ залѣ, велѣлъ принести побольше розогъ и, вызвавъ одного изъ лучшихъ кадетъ, наиболѣе любимаго товарищами, велѣлъ его сѣчь, объявивъ при этомъ, что онъ до тѣхъ поръ будетъ сѣчь, покуда виновные не сознаются. Кончилось тѣмъ, что виновные не сознались, а несчастнаго кадета, почти безъ чувствъ, унесли въ лазаретъ. Этотъ случай обличаетъ, съ одной стороны, отсутствіе въ директорѣ сердца и педагогической подготовки, а съ другой стороны, онъ доказываетъ очерствѣлость чувствъ кадетъ и худо понимаемое ими товарищеское чувство.

О другомъ случаѣ, не менѣе странномъ въ педагогическомъ отношеніи, бывшемъ въ Орловскомъ кадетскомъ корпусѣ, мнѣ

•

разсказывалъ самъ директоръ, съ которымъ я былъ знакомъ, когда онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ моемъ сосѣдствѣ, въ деревнѣ. Докладываютъ мнѣ, говоритъ онъ, что, за обѣдомъ, кадеты начали шумѣть вельдѣствіе того, что имъ подали не совсемъ свѣжую рыбу. Я тотчасъ же пошелъ въ столовую, велѣлъ наказать (какъ, онъ не сказалъ) зачинщиковъ и распорядился, чтобы экономъ всю недѣлю кормилъ ихъ тухлою рыбой.

Много подобныхъ случаевъ я могъ бы привести изъ воспитательской практики кадетскихъ корпусовъ, но разскажу только одинъ, свидѣтельствующій какъ низокъ былъ образовательный цензъ дежурныхъ офицеровъ кадетскихъ корпусовъ. Мнѣ разсказывалъ его преподаватель математики Орловской военной гимназіи Гельманъ. Когда въ курсъ кадетскихъ корпусовъ введено было преподаваніе Тригонометріи, кадетамъ очень понравились названія тригонометрическихъ линій: синусъ, тангенсъ и др.; одинъ изъ кадетъ, выходя изъ класса, обратился къ дежурному офицеру и объяснилъ ему, что отецъ его обѣщалъ прислать ему боченокъ соленыхъ синусовъ и сотню копченыхъ тангенсовъ. Экая невидаль, сказалъ офицеръ съ улыбкой: вы можете достать этой дряни, сколько хотите, у Ситникова *).

Своеобразный характеръ директора Орловскаго кадетскаго корпуса, который управлялъ корпусомъ около 20 лѣтъ, можно видѣть и въ слѣдующихъ его дѣйствіяхъ. Получая по Субботамъ отмѣтки о балахъ, поставленныхъ воспитанникамъ въ теченіе недѣли, онъ отмѣчалъ тѣхъ кадетъ, которые получили штрафные балы и, придя въ корпусъ, подзывалъ къ себѣ cadaго изъ нихъ, дѣлалъ ему замѣчаніе и ударялъ его въ лобъ пальцемъ, на который былъ надѣтъ массивный перстень; послѣ этого удара на лбу кадета появлялось обыкновенно синее пятно, которое служило знакомъ его неуспѣховъ по классамъ.

*) Фамиліи содержателя магазина колоніальныхъ товаровъ, въ Орлѣ.